ченіе своихъ настоятельныхъ нуждъ. Именно въ городахъ сосредоточивается много праздныхъ людей, большой запасъ свободныхъ личныхъ силъ и крупныя матеріальныя средства, которыя могутъ быть плодотворно затрачены въ любомъ направленіи. Именно горожане совсѣмъ отрѣзаны отъ той формы служенія ближнему, которая и встрѣчаетъ особенное одобреніе Толстого. Они стоятъ слишкомъ далеко отъ деревни, и по своимъ привычкамъ, и по запасу тѣлесныхъ силъ, а потому и не способны удѣлить ей личный трудъ. Они могутъ служить ей прямо своими матеріальными средствами, а косвенно—и своимъ трудомъ, чрезъ посредство разнообразныхъ союзовъ, которые развились такъ успѣшно въ новѣйшее время. Толстой не приглашаетъ ихъ въ эту область, а потому все, что они дѣлаютъ въ этомъ направленіи, дѣлается помимо Толстого и даже вопреки ему.

3) Толстой легко устраняетъ это неудобство: онъ призываетъ горожанъ бросить города, направиться въ деревню и усвоить тотъ складъ жизни, который облегчилъ бы и городскому населенію слѣдованіе его совѣтамъ.—Когда ораторъ кричитъ на митингѣ о необходимости разрушить государство, быстро и въ корнѣ измѣнить общественный строй и создать новыя формы жизни, вовсе несходныя съ существующими, то мы находимъ естественными всѣ его совѣты, пожеланія и призывы: ничто, исходящее отъ оратора митинговъ, не можетъ удивить насъ. Но къ Толстому мы предъявляемъ иныя требованія. Онъ не можетъ не знать, какъ слагались формы общежитія, не можетъ не знать, что жизнь нашего времени опредѣляется бытомъ длиннаго ряда поколѣній. Ему извѣстно, что строй народнаго хозяйства и права держится прочно и измѣняется медленно. Онъ долженъ былъ бы заключить, что, для перехода отъ современной городской жизни къ деревнѣ, природѣ, сельскому труду, нужно нѣсколько поколѣній. Онъ не можетъ не знать этого; а если такъ, то почему же совѣтуетъ онъ облекать дружелюбіе въ форму, которая пригодна только для немногихъ людей и не можетъ получить общее значеніе? Просто потому, что эта форма *ему нравится*, что ему пріятно именно *въ ней* выражать альтруизмъ. Предъ прихотью Толстого отступаютъ и напоминанія исторіи, и реальныя потребности огромной массы людей; оставляются безъ вниманія и безъ истинно полезнаго поученія многія силы, склонныя къ добру, которыя готовы были бы выразить свое чувство дружелюбія, но не могутъ послѣдовать совѣту Толстого.